

ракурс

Блокадникам выплатят деньги
По 7 тысяч рублей получают ветераны в Санкт-Петербурге

В СВЯЗИ с 75-летием освобождения Ленинграда от фашистской блокады денежную поддержку получают пережившие блокаду. Участники войны, работники тыла на военных объектах, члены экипажей судов транспортного флота. Те, кто работал в тылу не менее шести месяцев в период войны, награжденные орденами или медалями СССР за самоотверженный труд, а также несовершеннолетние узники фашистских концлагерей и гетто.

В Монастырке со своим уставом

Закрывая частный приют для стариков, никто не знает, куда деть его постояльцев

ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ

✎ Инесса Суворова, Пермь

В деревне Монастырка Осинского района Пермского края из частного приюта для престарелых выселяют всех его постояльцев, а на хозяйку завели уголовное дело по части 1 статьи 238 УК РФ (выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей). Статья предусматривает наказание в виде принудительных работ на срок до пяти лет или лишение свободы на срок до десяти лет. Что ждет стариков? Ведь большинству из них некуда идти.

Выбрали здесь жить

Монастырка — это когда-то большая, а сегодня постепенно пустеющая деревня на роскошном камском берегу. На краю деревни находится два больших деревянных дома — приют «Луч Надежды», где до недавнего времени тихо, по-семейному, жили 54 постояльца. Сейчас их осталось 20.

—Выселяют нас,— встретила нас хозяйка приюта Надежда Толстикова.— Приставы звонят чуть не каждый день, грозным голосом спрашивают, вывезла ли я стариков. А куда я их вывезу? На дорогу выложу?

Мы заходим в дом. Внутри тепло и чисто. Светлые обои, на полу — линолеум, на окнах — тюлевые занавески. Везде цветы. В каждой комнате есть телевизор, кресла, комоды. Около каждой кровати — тумбочка, небольшие табуреточки. Из столовой вкусно пахнет свежеприготовленными щами.

Во дворе сохнет белье. За домом — гогот гусей попеременно с гулким мычанием. Это немудреное хозяйство — два бычка, две коровы и десяток гусей.

Большинство постояльцев в это время дома занимают своими привычными делами. У каждого из них своя история, как правило, весьма замысловатая. Но объединяет их одно: они выбрали это место, чтобы здесь жить. Теперь это их дом. Их семья.

Детская жилая «Луча Надежды» некуда, некоторые и ходить не могут...

Куда нам деться?

И над этой семьей нависла угроза. Каждый день обитатели приюта ожидают приезда приставов, представителей прокуратуры, специалистов минсоцразвития. Говорят, бояться, что их заставят отсюда выехать. Зачем, куда?

—Жила я здесь семь лет и дальше буду жить,— говорит Галина Сырвачева.— Это мое место, никуда не пойду. Начнут выселять, буду сопротивляться.

В приюте незамысловато, но уютно и тепло.

Старушка, наверное, и сама плохо представляет, как она сможет сопротивляться. Но настроена решительно. Как и остальные жители приюта.

—Идти нам некуда,— соглашается другая Галина, Пичкалева.— Хотя пинками выгонять будут, а не уйду. Мне 74 года, семь лет в армии прослужила, боевая. Дом у меня сгорел несколько лет назад, детей нет, родственников тоже. Куда идти? А тут хорошо. Все, что надо, есть. Хочу — на рыбалку пошла, хочу — за грибами.

Мужчины в разговор не вступают, молчат. Но если спросишь, отвечают охотно. Говорят то же самое, только без лишних эмоций. Да, тут хорошо. Кормят вкусно, всегда тепло, одежда чистая, белье новое часто покупают, баня регулярно. Да и вообще, о чем ни попросишь, все дают.

Юрию Поносову Надежда Толстикова даже телефон купила. Он здесь оказался самым молодым — в октябре первую пенсию должен получить. Уже 17 лет Юрий ухаживает за слепой женщиной, да и по хозяйству помогает — дров наколоть, печи истопить, воды натаскать.

Замерли до суда

Конечно, у некоторых из жителей приюта «Луч Надежды» по документам все-таки есть родственники. Но смогут ли старики вернуться обратно, если однажды они уже оказались в приюте? А некоторым и возвращаться просто некуда: родственники и сами такие же скитальцы или искатели приключений. «Блуждающие», как их называют в приюте.

Между тем сотрудники соцзащиты, выполняя свои задачи, обзванивают семьи, убеждают и даже заставляют взять стариков обратно. По словам Надежды Толстиковой, пока удалось пристроить только четверых. Да и то один через несколько дней вернулся обратно и чуть ли не со слезами просил его больше не отправлять никуда.

Луч Надежды

Первого старика под свою опеку Надежда Толстикова взяла 10 лет назад. Тогда в Прикамье только начиналась реализация региональной программы «Семья для пожилого». Решение было обдуманное и взвешенное. К тому времени они с мужем уже пять лет как воспитывали приемных детей, были на хорошем счету у районных контролирующих органов, знали, что такое социальная работа. Параллельно вела немудреный деревенский бизнес — обеспечивала хлебом всю округу, торговала самым необходимым.

После первого престарелого подопечного появились второй, третий, четвертый. Желаящих попасть к ней становилось все больше — много в России брошенных, неприкаянных, никому не нужных стариков. Кто-то приходил сам, кого-то привозили дети, кому-то обратились к Толстиковой советовали знакомые, а некоторые заветный телефон получали от работников районной соцзащиты.

Отказать немощным и несчастным Надежда не могла. Да и как отказать, ведь вокруг полно всего — только живи: рыбалка, леса с ягодами и грибами, овощи в огороде. Однако рамки программы не позволяли принимать в семью больше, чем положено, человек. Да и помещение тоже.

И тогда Надежда решила: продала магазины и на эти деньги выкупила несколько домов, сделала ремонт, приобрела мебель, постельное белье, посуду, памперсы и другие средства ухода за лежачими больными. Свой приют она назвала, конечно, «Луч Надежды».

С вновь прибывшими предпринимательница подписывала договор о том, что обязуется предоставить им кров, тепло, еду, одежду, обувь и, главное, заботу. Они взамен отдавали в общий котел свою пенсию, оставляя на личные нужды четвертую часть.

На эти деньги закупались продукты, одежда, лекарства, дрова, газеты и журналы, оплачивалось электричество и прочие расходы. Вне общих трат куращим полагались сигареты, любителям сладкого — конфеты. Список составляли перед каждой «большой пенсией», как ее здесь называют.

Мыть, готовить и стирать Надежде помогали снохи и внуки. Было несколько нанятых сотрудников, ведь стариков становилось все больше. Приезжали ведь со всего края.

Все по закону

Проблемы начались с оформления ООО, на котором настояли работники соцслужбы. Говорили, что так приют сможет попасть в реестр организаций, имеющих право на оказание социальных услуг. В реестр «Луч Надежды» не попал — не успели собрать необходимый пакет документов.

Зато требования значительно возросли. Одна из основных претензий проверяющих органов — отсутствие медицинской лицензии.

—Неужели для того, чтобы поменять памперс, мне требуется медицинское образование? — недоумевает Надежда Толстикова.

По бытийным понятиям — не требуется. По закону, обязательному к исполнению, — да. Как и соблюдать предписания пожарных, санэпидслужб и градостроительного законодательства. Очередная проверка, проведенная прокуратурой Осинского района по заявлению соцслужбы в сентябре нынешнего года, выявила около 140 разного рода нарушений. Кроме отсутствия лицензии на медицинскую деятельность и социальных педагогов в штате предпринимательнице инкриминируется отсутствие писсуаров, биде и пожарной сигнализации.

Надежда бьется над устранением недостатков — за месяц успела провести водопровод, установить пожарную сигнализацию в одном из трех принадлежащих приюту домов, в двух других купила огнетушители, нарисовала план эвакуации. Но поможет ли это?

➤ МЕЖДУ ТЕМ

На этой неделе в Перми возбудили еще одно уголовное дело по факту оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Сотрудники прокуратуры провели проверку в частном доме престарелых «Счастливый берег», где, по информации надзорного органа, выявили многочисленные нарушения. По постановлению по надзору организацию привлекли к административной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности и назначили штраф. Если администрация не устранила нарушения, прокуратура обратится в суд с иском о прекращении работы приюта.

➤ P.S.

«РГ» поинтересовалась, куда и как будут направлены выселяемые из приюта старики. Официальный ответ министерства социального развития Пермского края, по сути, свелся к фразе: «После официального закрытия для обеспечения безопасности жизни проживающих в приюте людей им будет предложен переезд либо к родственникам, либо места в государственных социальных учреждениях».

У приюта свое подворье и небольшое хозяйство из домашней скотины.